

Сергей ВИКУЛОВ

Драгоценные зерна

И так, перестройка началась. Но, выражаясь фигурально, написан пока лишь заголовок на белом листе бумаги, а сама повесть впереди. И главным в этой повести, в борьбе за осуществление решений ноябрьского Пленума ЦК КПСС должна стать работа с людьми. В конце концов все будут решать они, производители материальных благ, те, кто добывает руду, делает машины, кто пашет землю, жнет хлеба...

А люди сейчас совсем не такие, какими были еще лет десять—пятнадцать назад. Они сейчас шире мыслят, горячо и заинтересованно спорят, меньше всего заботясь о том, что скажет «княгиня Марья Алексевна» за океаном (она все равно ничего хорошего не скажет!). Не растерянность и не уныние в их сердцах, чего бы хотелось этой «княгине», а твердая вера в близкий и большой успех.

В последнее время я много поездил по родной Вологодской области, встречался со старыми друзьями, много приобрел новых, радовался хорошему, рожденному почином масс, и немало огорчился тому, чему бы давно пора исчезнуть. Меня не покидало ощущение невиданно радостных перемен на нашей земле, ощущение, подобное, наверно, тому, какое испытывают гидростроители, когда готовятся окончательно снять перемычку и своими глазами увидеть наконец, как хлынет вода в уготованное ей ложе, и разольется, и станет... нет, не водохранилищем — морем, новым морем!

И в делах колхозных есть своя, искусственно созданная во время культа «перемычка», но она день ото дня рушится, осыпается. Процесс этот, начавшийся десять

лет назад, все убыстряется. Подъем сельского хозяйства — всенародная задача, записано в решениях XXII съезда КПСС. И эта задача будет решена — уже хлынул бурлящий чистый поток народной инициативы на колхозные пажити!

Не ради красного словца сказал я о народной инициативе. Разбудить инициативу рядовых тружеников, вернуть им уверенность в том, что они подлинны хозяева своего колхоза, — в этом ключ к успеху. Ведь во время культа личности Сталина колхозная демократия нередко грубо попиралась. Колхозам навязывали сверху и цифры площади посевов и агротехнику. Выгодна или невыгодна та или иная культура — колхозников не спрашивали.

Борясь с наследием культа личности, партия приняла постановление о планировании снизу. Но, как видно, велик еще «административный зуд» у некоторых руководителей. Есть еще они, бездумные, слишком ретивые исполнители директив, работающие кампанейски, без перспективы, без учета конкретных условий. Председатели колхозов при таких руководителях буквально стонут под тяжестью приказов и всяческих команд и распоряжений.

Уже после ноябрьского Пленума ЦК КПСС я встретился в Белозерске с секретарем райкома В. А. Дмитрихиным. Он, помню, прочитал мне подчеркнутые красным карандашом слова Н. С. Хрущева:

«Надо, наконец, покончить с попытками командовать колхозами, не считаясь с мнением специалистов и практиков. Об этом приходится говорить потому, что в отношении к совхозам и колхозам нередко

проявляется административный зуд, им навязывают сроки сева, агротехнику. Кроме вреда, это ничего не принесет».

— Правильно! — сказал Василий Антонович. — А мы и структуру посевных площадей навязывали колхозам. Весной семь раз «утрясали» план сева! Замучили председателей! Только раскинем все — снова из области шлют «коррективы». Вызываем председателей: меняйте! Сейте то, не сейте другое, этого — столько, другого — вот столько. Ну, и сеют. А мы все снимаемся со стульев и туда, на поля: проверить, сеют ли? Не дай бог проявят своеволие — «полетит» план! Попал я прошлой весной в «Дружбу», к Большакову. Человек умный, опытный. Ходим по полям. Вдруг он останавливается, тычет в землю палочкой, — а земля — песок, на ней, кроме сосенок, отродясь ничего не росло, — тычет палочкой и спрашивает: «Вырастет тут хлеб?» «Нет, не вырастет», — говорю. Не могу же я кривить душой перед ним, да и дураком не хочется себя показывать. Как тут быть? Не сеять? Вот как ответил на такой вопрос один из руководящих работников облисполкома: «Что мне за это — головой поплатиться? У меня она одна». Да, такому «десятелю» руководящее кресло, конечно, дороже, чем благосостояние колхозников.

Командование колхозами ведет не только к подрыву экономики. Оно сковывает инициативу колхозников. Поскольку планы составлялись и «утрясались» без их ведома (а они ли не знают свою землю, ее возможности!), они махнули на все рукой: «Делайте что хотите!» А это страшно. В коллективном хозяйстве это более чем страшно — гибельно.

Прошлой весной вместе с Петром Абрамовичем Коневым — главным агрономом Белозерского производственного управления — мы оказались в Вытегорском районе. Была середина мая. Погода стояла холодная, сев шел медленно, хотя в райкоме «снямалась стружка» с руководителей отстающих колхозов, а по полям и на машинах и пешком носились уполномоченные. Кого только там не было: почти весь штат производственного управления, инструктор из обкома партии, из управления по переселению и даже один... работник областного музея. Последнего я встретил в конторе колхоза и удивился.

— Сеять приехал! — с горькой усмешкой сказал мне музейный работник.

— Ну и как сеете? — спросил я.

— Да как и все. К трактору схожу, в конторе посижу: согреюсь, цифры запишу.

Идем по полям. Впереди черной тучей взлетает стая ворон и галок. Подошли. Посеян овес — нет, не по всходам, конечно, мы определили — по семенам, поскольку они почти не заделаны, лежат наверху. А

вот поле на склоне холма. Оно вспахано и забороново поперек склона, между загонами образовались борозды, почти канавы. Худо это: и вода не будет стекать, и комбайну работать невозможно.

Агроном Конев долго сдерживался, но тут его наконец прорвало:

— Все жмут: сей, сей, сей! Телефонogramмы шлют, грозят: будете отвечать! И никто не скажет, не даст такой телеграммы: сейте, но помните, будете отвечать, если ничего не вырастет. Сводка! Все ради сводки! И агроном колхоза не в силах что-либо предпринять. Не разрешить сеять, коли земля не подготовлена, или заставить пересеять — такой ярлык наклеют, что и не выкрутишься: «Сырые настроения! Срываешь сев!» И так далее и тому подобное. Я на себе все это испытал, знаю. Вот так же искусственное осеменение вводили. Мы говорили: не будем спешить, научим людей, обеспечим колхозы материалами... Нет, вводи немедленно — и все! И сдавай быков на мясо. Особенно Булгаков из облисполкома нажимал. Теперь-то, я думаю, ему не столько искусственное осеменение нужно было, сколько мясо, — ведь тогда область хотела за год сделать чуть ли не два плана по мясу. Заставили, конечно, председателей сдать быков. А что получилось с искусственным осеменением? Одни слезы. Коровы по нескольку раз перегуливали. Плановость отелов была нарушена. А главное — яловость огромная...

Во главе колхозов стоят теперь грамотные, опытные работники: что ни председатель, то агроном или зоотехник, или бывший секретарь райкома, или практик с многолетним опытом. Колхозники доверяют им. Почему же не доверяют им руководящие работники? Уж если председатель колхоза действительно не способен, тогда надо его снять, подобрать нового, но не унижать недоверием, мелочной опекой. Ведь порой председателю и подумать не над чем: все расписано, все «утверждено» на каждую сельскохозяйственную кампанию. Перечитайте для интереса в конторе какого-нибудь колхоза книгу телефонограмм и распоряжений. Боже мой: что ни телефонограмма, то угроза, команда — и одна другой «глубокомысленней»: надо сеять, надо косить, надо жать, надо коров кормить! Как будто председатели и не ведают, что коров действительно надо кормить, а коли рожь поспела, то надо ее жать.

Порадовала меня недавняя встреча с председателем белозерского колхоза Михаилом Васильевичем Поповым, умным и авторитетным председателем-практиком. Он давно восстает против мелочной опеки в руководстве колхозами. И вот, возбужденный, приподнятый и одновременно какой-то озабоченный, он рассказал мне:

— Ну, кажется, я своего добился. Приезжал Леонид Андреевич Власенко — начальник областного управления по производству и заготовкам продуктов. Посмотрели мы с ним хозяйство, а потом зашли в контору и толковали два с половиной часа. Рассказал я ему все, что думал, начистоту. И верь, не верь — хлопнул он меня по коленке: «Что ж, будь по-вашему! Давайте мясо и молоко на уровне 1962 года. Остальное планировать вам не станем. Что сеять и сколько держать скота — решайте сами».

Михаил Васильевич, оказывается, уже успел поделиться этой новостью с колхозниками. «Давайте думать-решать. Теперь все от нас зависит!» — сказал он им. И как зашевелились люди, как у них глаза загорелись! Зашумели, друг друга перебивают, и каждый со своим предложением, выстраданным, дельным. Но председатель сказал: «Давайте не будем спешить. Подумайте еще раз, взвесьте все. А через два дня соберемся все вместе и решим, что и как».

К сожалению, мне не удалось присутствовать на этом необыкновенном совете, и я очень жалею об этом: уверен, что разговор там состоялся небезынтересный.

Рассказывал все это Михаил Васильевич волнуясь и даже, как мне показалось, доверительно. Я понял, хотя председатель и не сказал прямо, что Власенко не так-то просто решился на такой эксперимент. А Михаилу Васильевичу очень не хочется подводить его. Да и своя честь ему дорога!

Мне же думается, беспокоиться причины нет. Можно быть уверенным, что колхоз в 1963 году даст продукции значительно больше, чем в 1962 году. Колхозники постараются поставить дело так, чтобы и с государством рассчитаться и себя не обидеть. Ведь теперь все в их руках!

Огромный опыт за спиной у нашего колхозного люда. Многие перепробовано за тридцать с лишним лет, есть что сравнивать, просеивать: мякины ворох, но и драгоценных зерен множество. Вся беда в том, что, пока руководящие органы на селе спиной стояли к этой народной сортировке-веялке, ибо давала себя знать инерция культуры личности, кое-кем забыто было ленинское указание: учить массы и учиться у масс. А что значит учиться у масс? Это значит уметь прислушиваться к голосу масс. В повседневной практике рождается, кристаллизуется все самое лучшее, чего не придумаешь, будь ты семи пядей во лбу. Надо брать у народа лучшее и возвращать ему в качестве обоснованных рекомендаций.

Есть чем заняться производственным управлением и партийным комитетам при уп-

равлениях. Надо отказаться от скучных совещаний с трафаретными докладами и стандартными дежурными речами. А что, если бы собрать, например, председателей колхозов и сказать им:

— Вот что, дорогие товарищи. Все вы много лет своей жизни отдали нелегкому делу — руководству колхозами. Не всегда и не все у вас получалось так, как хотелось бы. Но ведь было и хорошее, были находки, открытия, например, в организации производства, в использовании скрытых резервов или в воспитании людей — такое, отчего, так сказать, сердце радостно колотилось. Ведь это драгоценные крупинцы опыта, и надо, чтобы они стали достоянием каждого, чтобы вы взаимно обогащали ими друг друга. Хорошо будет также, если кто-то из вас, основываясь на опыте, докажет, что такая-то рекомендация, такая-то мера не оправдала себя, и мы, учитывая ваш опыт, скорее откажемся от нее и, таким образом, избавимся от потерь.

И вот встал бы, например, председатель колхоза имени Ленина, Белозерского района, Виктор Николаевич Демичев, бывший секретарь райкома КПСС, добровольно изъявивший желание пойти председателем одного из крупнейших колхозов, и рассказал бы о новой системе оплаты труда на сенокосе. Она дала большой эффект.

В колхозе не только решили проблему кормов, но и подняли трудовую активность колхозников на всех видах работ, закончили хозяйственный год, несмотря на неблагоприятные погодные условия, со значительным ростом по всем отраслям.

Председатель колхоза «Родина» агроном Ф. А. Гутов, наверно, попытался бы доказать, что укрупнение колхозов нередко проводится непродуманно. Хозяйство этой артели очень разбросано, до бригады до бригады пятнадцать — двадцать километров. Бездорожье такое, что трудно и вообразить: чтобы попасть в иную бригаду, надо ехать на машине, потом через болото верхом на лошади и, наконец, на лодке через озеро. Порой за день не доберешься. Где уж тут все видеть своими глазами!

— Приеду, бывает, в бригаду, — рассказывал мне Федор Антонович, — запоздаю и останусь ночевать. На скотном дворе еще и не побывал, еще и слова дояркам не сказал, а уж они знают, что председатель здесь, и все идет иначе. На другой день придешь на ферму, смотришь: поднялись удои. А если бы каждый день вывать? Я же едва успеваю выезжать «на места», как выражается районное начальство, только по неотложным, «пожарным» случаям. Когда я говорю, что надо разукрупнить колхоз на два, а лучше даже на три, что укрупнение это было явной ошибкой, — не соглашаются. Думают, что я хочу избавить-

ся от трудной работы. Да нет же! Я готов взять любой из этих трех колхозов и уверен: добьюсь настоящего подъема! Ведь разукрупнили же многие «гиганты» по тем же причинам в других районах. Зачем упорствовать, когда это во вред делу? На что уж Лобытов, председатель «Родины», Вологодского района, опытейший, известный всей области руководитель, и тот не смог справиться с «гигантом» — добился разукрупнения. И как в гору пошел колхоз!

И права Ольга Владимировна Маслова из деревни Большое Денисьево, Грязовецкого района.

Этой женщине, заслуженному ветерану колхозного труда, уже шестьдесят четыре года. Мы встретились с нею в ноябре. Для нашего края ноябрь — самая поздняя осень. А в полях возле деревни стояла — да нет, какое уж там стояла! — бессмысленно погибала рожь.

— Вы, наверно, видели, какая рожь в нашем колхозе погибает? — спросила Ольга Владимировна. — Так вот, это происходит не потому, что моста через реку якобы не сделали своевременно и не могли переправить комбайн. Даже не потому, что рук не хватает. Нет. Она погибла по другим причинам. Во-первых, потому, что она ничья.

— Как так ничья? Колхозная же!

— То-то и оно, что колхозная... Вот погибла она, а кто за это ответит? Никто. Потому, что она ни за кем не была закреплена. Колхозная — этого мало. В колхозе люди. И каждый должен знать свое дело и отвечать за него.

Тут Ольга Владимировна достала из шкафа красную коробочку, а из нее орден Ленина (новехонький, словно вчера полученный, — а прошло четырнадцать лет!).

— Была я, милый ты мой, звеньевой по ржи. Соседнее звено вырастило, помню, по 25 центнеров с гектара, а я встала на собрании да и сказала: «Догоню и перегоню!» Участок мне дали 8 гектаров. И вот начали мы растить рожь-то. Сами не больно грамотные, агронома слушаемся. Что ни скажет — делаем. Церковь была — на колокольню лазили, голубиный помет собирали: куриного-то не хватало. Заквасим помету ведро, разбавим водой — и поливать. Бочку приспособили. Из нее лоток с дырками вывели. Лошадь везет, а я иду рядом и все лоток прочищаю. Рукав по локоть мокрый — ничего, лишь бы польза была. И навозной жижей так же поливали. Хорошо пошла в рост ржица. А все беспокойство берет: вдруг хуже, чем у соседки! Побегу посмотрю. Вроде у них сильнее всходы. Опять собираю свое звено: давайте-ко, бабы, еще вот это делаем... А когда цвести стала, с веревкой ходили, опыление делали. Дождь пройдет — таким же манером воду стряхивали: упасть ржи не давали. Сжа-

ли, обмолотили, зернышку пропасть не дали! По 27,5 центнера с гектара вышло. Орден дали. Ну, думаю, теперь я еще и по-лучше рожь выращу. Да не пришлось: начали писать да говорить, что звеньями работать неправильно. Надо бригадами. И развалились наши звенья. А ведь хорошо было. В те годы у нас вкруговую по 18 центнеров с гектара обходилось, а в 1961 году — только по 6 центнеров, в 1962 году — и того меньше. Иные на землю нашу обижаются. А коли удобрить, она, матушка, не хуже других родит. Опытный участок пшеницы дал, помню, 48,5 центнера с гектара! Вот теперь и подумай, почему нынче рожь-то осталась неубранной.

— Ольга Владимировна, а если бы эта рожь была выращена вашим звеном, убрали бы?

— Что ты, милый! Да как бы не убрали! Да мы б этот комбайн бродом перетасили — речка-то какая — курица перебрет. А и не было бы комбайна — все равно убрали бы. Я председателя со свету бы скила: давай людей, и все. Легко сказать — вырастить такую рожь и погубить. Вот и надо бы так сделать: чтобы — за рожь ли, за лен ли, за картошку ли — отвечали определенные люди да чтоб они получали от собранного урожая, и не только деньгами, а и натурой: зерном, картошкой... У нас сейчас все жалеют, что рано перешли на денежную оплату: не разбогатели еще. Мол, если бы знали, что эту рожь по трудодням будут делить, убрали бы. Вот тебе вторая причина тому, что рожь гибнет. Люди все понимают, да мало с ними у нас по-настоящему разговаривают.

По-моему, опыт Ольги Владимировны Масловой можно взять на вооружение. Правда, многие, с кем мне приходилось разговаривать об этом, отвечали так: звенья или хозрасчетные бригады можно создать, но ведь закрепить за ними землю и не дать им технику — все равно ничего не получится. А техники, особенно тракторов, у нас не хватает.

Думается, эта отговорка свидетельствует о ленисти ума и боязни нажить лишние хлопоты. В самом деле: ведь земля все равно и пащется и засеивается. Так разве нельзя, допустим, одних и тех же механизаторов закрепить за двумя бригадами (звеньями), поставив их заработок в зависимость от дохода в этих бригадах?

Председатель колхоза имени XXI съезда КПСС В. С. Басников по этому поводу сказал следующее:

— Хозрасчет по бригадам — главное. Только так, устранив обезличку, можно поднять колхоз. Внутри бригады, особенно по наиболее важным, в смысле доходов, культурам, как, например, по льну, обязательно должны быть звенья. Обезличка во-

обще недопустима, а тут особенно. Вот пример. В одной бригаде колхозники вдруг решили: не будем больше держать звеньевую по льну, не ахти чего делает, а платить приходится много. Я пытался поправить их, но они настояли на своем: мол, и так лен вырастет. И что же получилось? А получилось то, что все бригады вырастили отличный лен и получили премии, а эта бригада — ничего, так как лен у них не вырос, поскольку был обезличен.

Наша область такая: замерзли реки — и во многие районы можно попасть только самолетом. Летишь, бывало, смотришь через окошечко на медленно проплывающую под крылом землю — все видно. Леса да болота. И как островки среди них — деревушки, обычно на бугорках или на нетопких берегах рек и многочисленных озер. Много этих островков! На ином и всего-то три-четыре дома. Есть и вообще необитаемые острова: снялись последние люди — может, к центру колхоза поближе перевезли домишко, а может, похоронив стариков, уехали куда-нибудь подальше, в Череповец, на строительство гиганта черной металлургии. Немало там наших парней и девушек!

В общем, деревни вологодские сильно переделали. В моей родной деревне Емельяновской, например, из 60 домов осталось 19. И не удивительно: время такое. Мои земляки и на реактивных самолетах летают, и офицерские погоны носят, и плотный строят. А сколько их спит вечным сном на полях недавних кровавых сражений!

Все это так. И все же неизбежно задумаешься: а как быть дальше? Всюду резко ощущается недостаток рабочей силы.

Молодые уходят из деревень. Почему? Есть, пить нечего? Нет. Подавляющее большинство семей колхозников живет обеспеченно: свое молоко, мясо, овощи... А на хлеб да сахар деньжонок хватает: вдобавок к заработанному многие получают переводы и посылки от детей из города. И на наряды и на часы (у всех почти часы на руках) выкраивают. Да и налоги невелики.

Правда, молодые зоотехники и агрономы, а также заведующие клубами не долго задерживались в колхозах именно потому, что заработная плата была мала — 50—60 рублей у агрономов, 38 рублей — у заведующих клубами. Смешно, но факт: в Вологде есть зоотехники, работающие поварами, распространителями печати, кассирами в столовых. В 1962 году в области насчитывалось только 50 зоотехников с высшим образованием, между тем как уже

пятьдесят лет в Вологде существует молочный институт. По одному зоотехнику в год — не мало ли?

Деревенская же молодежь уходит по другой причине: скука одолевает. До клуба далеко. Да и малоллюдно в клубе, холодно, неуютно: под клубы подчас отведены опустевшие избы. Какой уж там уют!

Парней же, кроме того, не устраивает перспектива в век ракет и атомной энергии навозными вилами мозоли натирать. Им подавай технику, да посложней, по красивей: люди-то они грамотные!

Ну, техника будет. Вот и в этом году область получает значительно больше тракторов и комбайнов, чем в прошлом. А вот насчет скуки деревенской — тут многое зависит от самих колхозов. Да, пора позаботиться о хороших клубах. Колхозный клуб должен стать очагом новой культуры, новых обычаев, ибо, разрушив старые обычаи, мы ничего равноценного взамен их не придумали. А впрочем, может быть, и не надо придумывать? Может быть, не стоит чохом отказываться от всего, что веками создавалось в деревне и составляло собой русское национальное своеобразие? Например, был хороший праздник зимы — масленица, с катанием на санях, с бубенцами, с песнями. Вложить в него современное содержание и праздновать!

Виктор Николаевич Демичев, председатель колхоза имени Ленина, сказал мне недавно:

— Почему бы не награждать ежегодно отличившихся? Награды за рекордные показатели — это хорошо, но не совсем правильно. Рекорд может быть и случайным: выдалось хорошее лето — вот и рекорд. А ведь у нас есть люди, которые десятками лет, всю жизнь трудятся безупречно. У них нет рекордов, но есть трудовая доблесть, которая, если не золота, то серебра достойна! И почему бы не дать право правлениям колхозов и партийным организациям совместно с парткомами производственных управлений представлять к правительственным наградам этих людей? Какой козырь был бы у нас, руководителей колхозов! Какую воспитательную работу повели бы мы вокруг этих медалей и орденов!

Деревенский народ отзывчив на доброту и внимание. Доярки, например, и до сих пор вспоминают о том годе, когда о них было заговорили, неоднократно приглашали в город на совещания, где перед всем честным народом одной самовар подарили, другой — отрез на платье, третьей — часы... Разве они остались в долгу? Нет. Молока было больше. А теперь их снова забыли.

И тут новым партийным комитетам и производственным управлениям есть над чем подумать.